

Журантн. - 1991. - 24 сев. - с. 5.

Не знаю более жестокого унижения для колхозника, чем измерение ценности его тяжелого, подчас изнурительного труда не известной в прежние века единицей, именуемой трудовень. С самого своего зарождения нововведение сопровождалось беспрецедентным подавлением личности крестьянина, разорением крестьянских хозяйств, насилием, стоившим миллионы человеческих жизней, неопикуемых страданий, лишений. И это не только в момент организации коллективных хозяйств, о чем сейчас у нас, слава Богу, пишут, но на протяжении многих десятилетий, о чем еще, к сожалению, мы умалчиваем.

Да и сегодняшняя беспросветная нищета на полках продовольственных магазинов — не что иное, как жестокий оскал тотальной коллективизации. Теперешнее положение в сельском хозяйстве началось с насильственного загона крестьян в колхозы, с упомянутого уже злополучного трудовень, которым централизованный механизм, наделенный неограниченной властью, и аппарат административно-приказного управления решили «оплачивать» труд колхозников. Бумажное свидетельство того, что колхозник работал от зари до зари, мало сказывалось на его благосостоянии, поскольку трудовень был обыкновенным обманом, узаконенным общим беззаконием и поддерживаемым административной машиной.

Сегодня об этом страшно вспомнить, а тем, кто не жил в то время, невозможно даже поверить в такое: год работать и ничего не получать. Но это было. И не год, и не два. Так вот, кончался трудовой год, и колхозное руководство начинало «химичить», чтобы к общим обсчетам колхозника добавить и свои, местные, уже в собственных корыстных целях. Особенно остро подобный, никем не контролируемый производ колхозных властей

ощущали на себе вдовы, которых некому было защитить, и неграмотные, не умевшие ни читать, ни писать и ставившие на всех документах вместо фамильных росписей печально знаменитые крестики. Но такова природа человека: как ни тяжело ему живется, как ни страдает он, в душе всегда теплится надежда на то, что в конце концов как-нибудь да воздастся ему за труды праведные.

Проходило два-три месяца после Нового года, и правление колхоза назначало день выдачи денег, зерна на трудовень. Обычно этот день приурочивали или к дню стalinской конституции, или к другому «светлому» празднику. Шли колхозники за долгожданной получкой весело, под бравурные марши духового оркестра, а возвращались в большинстве случаев глубоко удрученные, а то и в слезах. Никогда не забуду, как однажды мама (было это 8 марта), отправляясь за своим заработком, взяла и меня с собой.

— Вот получу зарплату и дам тебе целых два рубля на пряники-медяники. Пойдешь в магазин и купишь себе и братикам, сестричкам, — говорила она, держа меня за руку.

Счастью моему не было предела. Выстояли мы под музыку длиннущую очередь к кладовщику, наслушались обид людских, жалоб, смешанных со слезами, руганью. Дошла очередь и до нас. Кладовщик (в селе никто его иначе, как грабитель, не называл) взглянул на маму и заговорил, лукаво ухмыляясь:

— А, Кирилловна, в этом году с сыном пришла за получкой. Это хорошо, пусть привлекает к колхозному труду, — сказал и разложил на огромном столе, сколоченном из свежих сосновых досок, ватманский лист, разбитый на 365 квадратов, обозначивших месяцы и дни

года. На том листе густо пестрели черные крестики.

— Ого, кладбище целое, — в отчаянии прошептала мама, зная из горького опыта, что означают те крестообразные пометки. Сзади напирала очередь, однако кладовщик не спешил рассчитываться. Ему надо было прилюдно громко доказать законность размеров выделяемой оплаты каждому, хотя все знали, что в его личном доме и сарае, воздвигнутых из кирпича, за высоченной оградой есть добрая доля и их ежегодных заработков.

— Хорошо ты работала в этом году, Кирилловна. Очень хорошо,

чем году!.. — поднялась и запричитала на весь колхозный двор: — Да будь оно проклято все — и свинарник ваш, и колхоз, и земля, что породила меня! — Ругалась на чем свет стоит, закрывая потрескавшимися ладонями мои уши, чтоб я не слышал ее горьких проклятий.

— Что, в Сибирь захотела вслед за кулаками?! Прислужой там у них хочешь поработать? — крикнул ей подошедший председатель колхоза, вынимая из-за голенища кнут, беспощадность которого испытала не одна спина колхозная.

В ту минуту не знал он еще, что совсем скоро сам за то, что не су-

гунных чанах. Возвращаясь из школы, мы заходили к маме. Она сразу снимала деревянную крышку с чана, отодвигала торчавшие, как ежовые иглы, остюки и набирала каждому по ложке каши, колючей, противной, но все же каши. Мы жадно ели ее, а мать пугливо время от времени поглядывала в чуть приоткрытую дверь: боялась, чтобы бригадир не увидел, как она колхозной кашей, предназначенной для свиней, кормит своих детей. За такое можно было и под суд угодить. Но она рисковала, чтобы прокормить нас, другого выхода не было.

мучительную смерть. И в те же голодные годы (1932—33) Сталин и его подопечные сочли необходимым отправить за границу 3 миллиона 477.500 тонн пшеницы.

Но об этой трагедии народной не разрешалось что-либо писать, говорить. Голодать, умирать от голода можно было, но говорить об этом категорически запрещалось. И даже наоборот: каждый должен был славить свою цветущую жизнь в колхозе, а теряющие от недоедания сознание дети колхозников разучивали песню «Хлеба полные амбары...». А не издевательством ли было превращение во всена-

Николай МАЩЕНКО, народный артист Украинской ССР, кинорежиссер.
Забиты крест-накрест черными досками окна оставленных навеки крестьянских домов, опустевшие, умирающие без земледельцев-хозяев деревни, поросшие непроходимыми бурьянами огороды, поля, когда-то кормившие миллионы людей. Так наступил

КРАХ КОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНИ

— славословил кладовщик, вынимая из-за уха огрызок химического карандаша. — Не будь ты такой

славной труженицей, ох, и нелегко пришлось бы тебе в этом году.

— Та не тяни ты за душу, говори, сколько заработала? — Я почувствовал, как она сжимала мою руку.

— Заработала-то ты много, — вздохнул кладовщик, — но, к сожалению, брала.

Он рассказал, сколько брала и какую сумму должна за это. Все посчитал, повторял цифры шепотом и общую сумму отбил костяшками на счетах. И с таким же остервенением обсчитал каждый крестик, отбивая на счетах одну сумму за другой. В конце концов произнес фразу, которую в нашем селе повторяют до сего дня:

— Вот и выходит, Кирилловна, что своему любимому государству ты ничего не должна, благодаря своему ударному труду!

— А оно мне, государство, должно?

— И оно тебе ничего не должно. — А за что ж я целый год без единого выходного от зорьки до зорьки трудилась, как проклятая?!

— А за то, что детей своих, ораву целую, прокормила. Не подошли с голoduхи, и благодари колхоз и Бога небесного! — Он сгреб со стола мелочь, схватил руку матери, сунул в ладонь неприятно звякнувшие деньги. — Это вот и вся твоя зарплата. Она замолчала. Все село видело, как она работала, все знали, что ее обсчитали, обманули, но никто ни в эту минуту, ни потом даже не попытался защитить ее от грабежа. Боялись.

— Прости, сыночек, — слезы ручьем хлынули из ее глаз. Упала на колени. — Прости, в этом году не пойдешь за пряниками. Видишь, — показала ладонь с обжигавшей до боли мелочью, — работала, работала, а он, сукин сын, грабитель проклятый, капнул на руку этими пятаками, и все!.. Ничего, сынок, пойдешь за пряниками з следую-

meet «сломать хребет классовому врагу, саботировавшему сдачу хлеба государству», окажется в тех

самых сибирских лагерях, которыми пугал мою мать.

Похожие проклятия, чаще всего про себя, тысячекратно повторялись колхозниками всякий раз, когда властями нарушались элементарные их права. Да и как можно было выдержать одни только налоги, которыми колхозник был окован, словно цепями. Снесла курица яйцо — налог: отдай то яйцо государству. Подоил корову — налог: сдай государству. Посадил яблоню — налог: сдай государству урожай с яблони. А если не уродила — заплати деньгами за свою же яблоню. Зарезал свинью — налог: сдай государству шкуру, отдай мясо или уплати деньгами за свою же свинью.

Целая огромная армия учетчиков большего и меньшего калибра следила за скромным хозяйством колхозника, опутывая его паутиной налогов. Такого тотального сдирания податей не знала ни одна государственная формация за всю историю человечества. Налог, к примеру, на нашу корову был такой большой, что и самой коровы не хватило, чтобы рассчитаться за нее с государством. Сельские власти не посмотрели на то, что у нас было десятеро детей, что их кормила одна мать, колхозная свинарка, безжалостно забрали корову, помогавшую нам с горем пополам выживать в ежегодных больших или меньших голодовках.

— Как же мне теперь жить без коровы с целой кучей детей? — спрашивала мать.

— О детях государство позаботится! — резко ответил ей представитель районных властей.

С трудом продержались мы без коровы зиму, а к весне и совсем заглошали. И тогда мать решила тайком подкармливать нас на свинарнике свинячьей овсяной кашей. Варила она ее в двух больших чу-

Какой же ненавистью должна была наполняться ее душа, если она работала годами без выходных, без отпусков, а накормить детей не могла, не говоря уже об одежде и обуви. Об этом она и не мечтала.

Материнские трудовень, тысячу раз проклятые и оплаканные в минуты голодного отчаяния и бедности, — как забыть их, на кого списать те десятилетия нечеловеческого труда, никак и никем не оплаченного?!

Колхозы напоминали воензированные трудовень лагеря, в которых царил произвол, прикрываемый то борьбой с кулачеством, то с подкулачниками, то с саботажниками хлебозаготовок, то с агрономами-шпионами.

Давняя идея Троцкого о «милитаризации деревни» быстро реализовалась Сталиным в полном масштабе:

мобилизация крестьянской силы прошла, были сформированы «трудовые части», которые приближались по типу к воинским частям, где для повышения производительности труда в условиях строгого принуждения руководителям давали право применять самые сложные средства и методы как духовного, так и организационно-карательного характера. Первым жестоким результатом подобной организации колхозов и хозяйствования на основе принудительного труда, все результаты которого оставались государству, был голод на Украине, спровоцированный сталинским режимом и достигший в 1932—33 годах ужасающих размеров. Жертвами его стали шесть миллионов человек.

Так были оплачены материнские трудовень...

Но возник голод вовсе не потому, что совсем не было урожая. Просто все зерно под метлу было варварски забрано из колхозных амбаров. Миллионы хлебобашцев были обречены тем самым одни на голодание, другие — на голодную

родные праздники сдачи хлеба государству до последнего зернышка?

Помню 1947 год. Захожу в свинарник, а мама у приоткрытой двери лежит, держа пустую миску в руках. Опухшая, с воспаленными глазами, полными голодного отчаяния. Это она собралась пойти с миской получить похлебку, которую выдавали только работающим колхозникам, да не хватило сил выйти из свинарника. За этот день записали ей полтора трудовень. Они едва не стали последними в ее жизни. Добавьте ко всем бедам крестьянским жестокую травлю колхозников за их домашние хозяйства, пускай и скудные, но единственно кормившие их. А как называть тот факт, что миллионы колхозников обязаны были жить без паспортов? Делалось это с одной целью: лишить колхозника малейшей возможности бежать из села.

Как бесконечные кошмары, встают в памяти те годы, полные мучений, лишений, безрадостного труда. И когда я сегодня слышу речи в защиту сталинской политики коллективизации, мне становится страшно от сознания, что великая трагедия кое-кого ничему не научила. Люди в то время понимали, видели, как умирали последние очажки народной любви к земле-кормилице, как искоренялись крестьянские профессии, но молчали, боялись оказаться в концлагерях, за решетками тюрем. Однако забитые крест-накрест черными досками окна оставленных навеки крестьянских домов, опустевшие, умирающие без земледельцев-хозяев деревни, поросшие непроходимыми бурьянами огороды, поля, когда-то кормившие миллионы людей, — это было и продолжается сейчас — безмолвное голосование крестьян против колхозной системы.

Машенька 44
24.7.91